

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

DOI: 10.51944/20738528_2022_1_93

УДК 159.9.072.43

М. В. Алагуев, В. Н. Галяпина

Социальные идентичности и отношение к межкультурным бракам в поликультурных регионах России: роль воспринимаемой безопасности

M. V. Alaguev, V. N. Galyapina

Social Identities and Attitudes towards Intercultural Marriages in Russia's Multicultural Regions: The Role of Perceived Security

Исследование посвящено анализу факторов, обуславливающих установки на межкультурный брак в Московском регионе и Республике Бурятия у представителей этнического меньшинства и большинства. Используя модерационный анализ, установлено, что у русских в Бурятии при высоком уровне воспринимаемой культурной безопасности этническая идентичность не способствует установкам на межкультурный брак, а при угрозе, напротив, способствует. У русских в Московском регионе и бурят Бурятии при ощущении угрозы своей культуре идентификация со своим регионом способствует положительному отношению к межэтническому браку.

Ключевые слова: межкультурный брак, установки, этническая идентичность, идентичность с местом, воспринимаемая угроза и безопасность, буряты, русские.

Введение

В литературе существует достаточно много терминов для определения супружеского союза, в котором муж и жена принадлежат к разным культурам. В данном исследовании мы будем рассматривать межкультурный брак как союз между людьми, имеющими существенные различия в культурном (этническом, расовом, религиозном, социальном или национальном) происхождении [25]. Таким образом, в данной статье это понятие включает в себя межрелигиозные и/или межэтнические браки.

Межкультурные браки представляют собой модели межкультурных отношений на микроуровне [12]. Способность людей встречаться, испытывать симпатию, влюбляться и образовывать семьи с людьми другой культуры является важным индикатором мультикультурализма [31].

Как отмечают исследователи, сами межкультурные браки изучались достаточно часто, однако исследований, посвященных отношению к культурно смешанным бракам, не так много [14]. Например, было установлено, что готовность человека вступить в брак с представителем иной культуры, создать с ним семью и родить детей является формой преодоления социокультурной дистанции, а также показателем установок на толерантность. Распространение межкультурных браков способствует смягчению негативного отношения, предубеждений и стереотипов в отношении внешней группы [7; 22].

Поскольку отношение к межкультурным бракам является по своей сути социальной установкой, одним из факторов, оказывающим влияние на данные установки, является социальная идентичность [24].

Cohen [17] отмечает, что при ярко выраженной этнической идентичности стремление вступить в межкультурный и межэтнический брак снижается. М. А. Жигунова и Е. А. Коптяева [3] выявили, что этническая идентичность не является решающей при выборе брачного партнера. Chen и Takeuchi [15] выявили, что женщины этнического меньшинства, находящиеся в межэтническом браке, имеют менее выраженную этническую идентичность.

Идентичность с местом, определяемая как результат самокатегоризации на основе принадлежности к определенному месту [19], может приводить к единению с другими группами на основе общей территории проживания. В Китае была выявлена позитивная взаимосвязь идентичности с местом и отношением к иностранным туристам [16]. В исследовании, проведенном среди русского этнического меньшинства в Латвии и Грузии, была выявлена позитивная роль идентичности с местом для успешной интеграции в принимающем обществе [6].

В качестве одного из факторов, влияющих на межгрупповые установки, выступает воспринимаемая угроза. Как показывают исследования, воспринимаемая угроза может зависеть от статуса группы, от восприятия группы как конкурентной [21; 26; 28].

Также результаты метаанализа [27] показали, что символическая угроза имеет значимую связь с аутгрупповыми установками. В ходе другого метаанализа было установлено, что воспринимаемая безопасность играет медиативную роль во взаимосвязи опыта межгрупповых контактов и предубеждений [11]. В других исследованиях выявлена модерационная роль воспринимаемой угрозы/безопасности во взаимосвязи аккультурационных установок и психологического благополучия в разных социокультурных контекстах [1].

В некоторых исследованиях утверждается, что возрастающее количество межкультурных браков может способствовать росту воспринимаемой культурной угрозы для доминирующей этнокультурной группы [23]. Однако роль безопасности в отношении к меж-

культурным бракам неоднозначна; исследователи указывают, что в определенных ситуациях воспринимаемая угроза может способствовать снижению числа межкультурных браков, в других — приводить к обратному результату [18].

Исследователи отмечают также, что социокультурный контекст может определять отношение к межкультурным бракам [20]. Данные показывают, что отношение к межкультурным бракам варьируется в разных культурах и во многом определяется этнопсихологическими факторами: межэтническими установками, толерантностью, уровнем этнического самосознания и пр. [4; 5].

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что отношение к межкультурным бракам может быть обусловлено этнической, религиозной идентичностью и идентичностью с местом/регионом, значимость которых зависит как от социокультурного контекста, так и от статуса группы. Отношение к межкультурным бракам также может предсказываться наличием угрозы/безопасности, которая тоже может быть обусловлена статусом группы, восприятием группы как конкурентной.

Социокультурный контекст

Данное исследование проводилось в двух поликультурных регионах России — Московском регионе и Республике Бурятия. Республика Бурятия — национальная республика, 29.5 % населения которой составляет коренное население (буряты), русские — 64.9 %, а третий по численности этнос, татары, — менее 1 %. В Московском регионе (городе Москве и Московской области) 86.7 % населения являются русскими, при этом ни один другой этнос не представлен более чем 1.5 % населения, в то же время процентное соотношение русских в Московском регионе превышает средний российский показатель, составивший 81.1 % [9].

Среди жителей Республики Бурятия 54 % называют себя православными, 18 % — буддистами, 13.6 % отнесены к графе «Своя вера», также немалое число относится к атеистам и старообрядцам (9.2 и 2.8 % соответственно). В Москве и Московской области число православных существенно выше (62.6 и 79.2 % соответственно), буддистов очень мало (0.2 и менее 0.1 % соответственно), однако существенное количество в обоих субъектах РФ отметило у себя атеизм (18.7 и 9.1 % соответственно) [10].

Социальный статус русских в Бурятии сложно оценить однозначно, поскольку численно они являются большинством. Однако другие показатели этнического меньшинства все же можно выделить. Национальная культура бурят — этнического большинства находится в настоящее время на подъеме: проводятся фестивали бурятской культуры, буряты широко представлены в политической элите региона (включая министерства культуры и образования)

[2; 13], что оставляет русских культурным меньшинством при численном большинстве.

Исходя из вышеизложенного можно сформулировать *проблему* данного исследования: различается ли роль воспринимаемой угрозы/безопасности во взаимосвязи социальных идентичностей и отношения к межкультурным бракам у представителей этнического меньшинства и большинства в разных социокультурных регионах.

Цель исследования — выявить модерационную роль воспринимаемой культурной угрозы/безопасности во взаимосвязи социальных идентичностей и отношения к межкультурным бракам у представителей этнического меньшинства и большинства в Бурятии и Московском регионе.

Исследовательский вопрос: какова модерационная роль воспринимаемой культурной безопасности во взаимосвязи этнической, религиозной идентичностей и идентичности с местом с отношением к вступлению в межкультурный брак у жителей поликультурных регионов России?

Инструментарий

Для исследования этнической идентичности и воспринимаемой культурной безопасности была использована шкала из проекта Mutual Intercultural Relations In Plural Societies (MIRIPS) (см.: [8]).

Этническая идентичность включала 6 вопросов (например: «Я горжусь тем, что я — русский/бурят»); все $\alpha \geq 0.85$.

Религиозная идентичность [30] — 5 вопросов (например: «Я рад исповедовать свою религию»); $\alpha \geq 0.96$.

Идентичность с местом [19] — 5 вопросов (например, «Я чувствую эмоциональную привязанность к Бурятии»); $\alpha \geq 0.89$.

Воспринимаемая культурная безопасность — 4 утверждения (например: «В Бурятии/Москве/Московском регионе есть место многообразию языков и культур»); $\alpha \geq 0.50$.

Отношение к вступлению в межкультурные браки — 2 вопроса («Насколько комфортно было бы Вам, если бы Ваш/а будущий/ая супруг/а был представителем иной национальности?», «Насколько комфортно было бы Вам, если бы Ваш/а будущий/ая супруг/а был представителем иной религии?»).

Математико-статистические методы: для обработки данных использовался статистический пакет SPSS 22.0. Применялись следующие методы: описательная статистика, показатель надежности — коэффициент α -Кронбаха, модерационный анализ с использованием дополнительного модуля PROCESS (Модель 3).

Процедура

Опрос проводился онлайн в 2020 г. на платформе 1ка. Была использована удобная выборка, применялся метод «снежного кома».

Выборка исследования

В зависимости от этнической и региональной принадлежности респонденты были объединены в три группы. Общее количество респондентов составило 402 человека (табл. 1).

Таблица 1

Социально-демографические характеристики выборки

Переменные	Русские из Московского региона	Буряты из Республики Бурятия	Русские из Республики Бурятия
	Количество/проценты		
	189	102	111
Женщины	134 (70.9 %)	72 (70.6 %)	91 (82.0 %)
Мужчины	55 (29.1 %)	30 (29.4 %)	20 (18.0 %)
Отношение к религии			
Не исповедую никакой религии	74 (39.2 %)	25 (24.5 %)	29 (26.1 %)
Буддизм	3 (1.6 %)	64 (62.7 %)	5 (4.5 %)
Православие	96 (50.8 %)	1 (1.0 %)	67 (60.4 %)
Иное	16 (8.5 %)	12 (11.8 %)	10 (9.0 %)

Результаты

Для ответа на наш исследовательский вопрос мы провели модерационный анализ. Была использована модель модулируемого модератора (Модель 3), позволяющего проанализировать, изменяется ли модерационный эффект воспринимаемой культурной безопасности в зависимости от групповой принадлежности: социальные идентичности (этническая, религиозная идентичности и идентичность с местом) (X) — предиктор, отношение к межкультурному (межэтническому/межрелигиозному) браку (Y) — ауткам, воспринимаемая культурная безопасность (W) — модератор, групповая принадлежность (Z) — модератор модератора (рис. 1.)

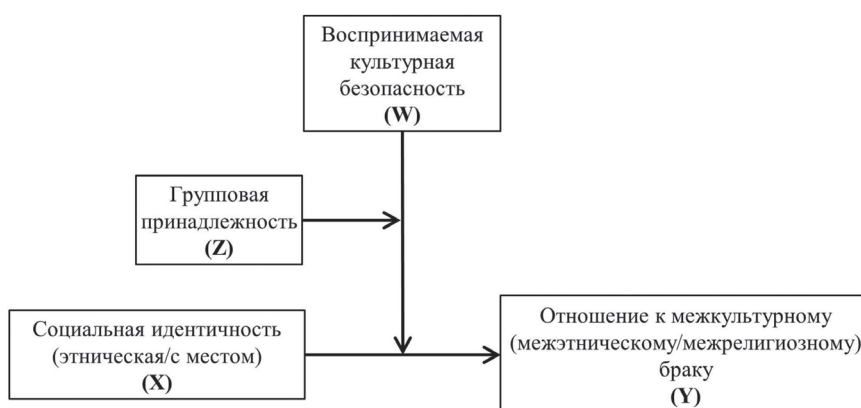

Рис. 1. Модель 3 модулируемой роли (групповой принадлежности) модератора (воспринимаемой культурной безопасности) во взаимосвязи социальных идентичностей и отношения к межкультурному браку

Мы проанализировали 6 моделей. В статье представлены результаты только значимых моделей. Модель 3 также показала значительный эффект трехстороннего взаимодействия (рис. 2). Если посмотреть на коэффициент регрессии для XWZ ($b = -0.22$, $SE = 0.10$, $t = -2.11$, $p = 0.04$, 95 % CI $[-0.425, -0.015]$), то можно сказать, что величина влияния воспринимаемой безопасности на взаимосвязь этнической идентичности с отношением к межэтническому браку зависит от групповой принадлежности. Как видно из результатов табл. 2, у русских в Московском регионе и бурят Бурятии (обе группы являются этническим большинством в своем регионе) связь статистически незначимая.

У русских в Бурятии был выявлен значимый эффект: при высоком уровне воспринимаемой культурной безопасности выраженная этническая идентичность не способствует позитивным установкам по отношению к межэтническому браку, однако, если русские воспринимают угрозу своей культуре, этническая идентичность, напротив, предсказывает положительное отношение к межэтническому браку.

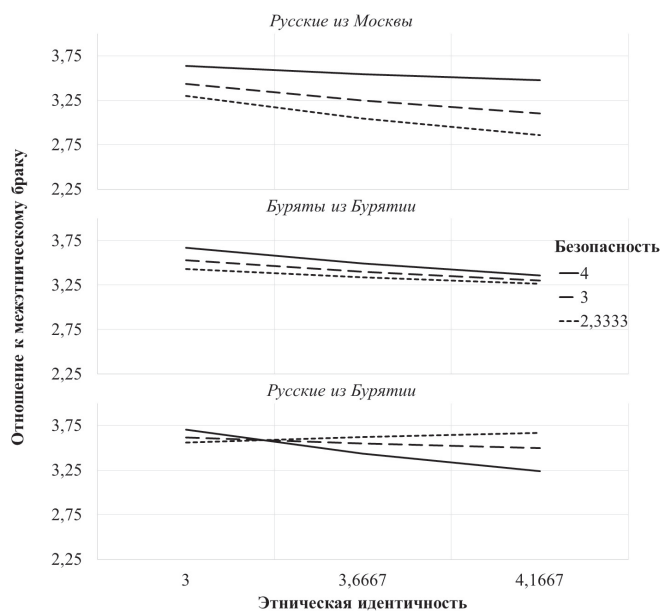

Рис. 2. Модель 3 модулируемой модерации воспринимаемой культурной безопасности во взаимосвязи этнической идентичности и отношения к межэтническому браку русских и бурят в Бурятии и русских в Московском регионе

Таблица 2
Параметры взаимодействия воспринимаемой культурной безопасности, этнической идентичности и отношения к межэтническому браку в зависимости от групповой принадлежности

Группа	β	F	p
Русские Москвы	.1453	1.0277	.3113
Буряты	-.0750	.7301	.3934
Русские Бурятии	-.2953	5.2533	.0224

Схожий эффект был выявлен в модели, где ауткомом выступало отношение к межрелигиозному браку (рис. 3). Коэффициент регрессии для XWZ ($b = -0.24$, $SE = 0.13$, $t = -1.83$, $p = 0.02$, 95 % CI $[-0.5033, 0.0186]$) позволяет сделать вывод, что величина влияния воспринимаемой безопасности на взаимосвязь этнической идентичности с отношением к межрелигиозному браку зависит от групповой принадлежности. Это влияние в группах русских из Москвы и бурят из Бурятии не подтверждено (табл. 3). У русских из Бурятии был выявлен значимый эффект: при высоком уровне воспринимаемой культурной безопасности выраженная этническая идентичность обуславливает негативное отношение к межрелигиозному браку.

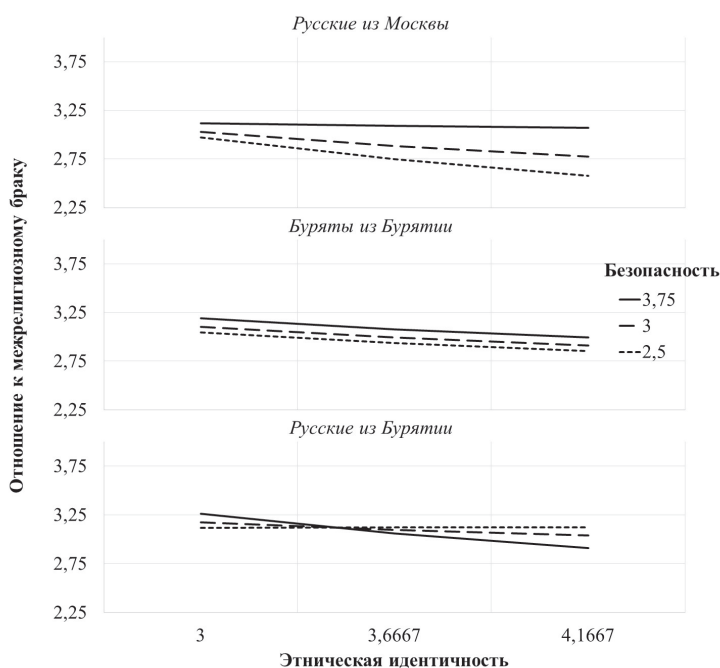

Рис. 3. Модель 3 модерируемой модерации воспринимаемой культурной безопасности во взаимосвязи этнической идентичности и отношения к межрелигиозному браку русских и бурят в Бурятии и русских в Московском регионе

Таблица 3
Параметры взаимодействия воспринимаемой культурной безопасности, этнической идентичности и отношения к межрелигиозному браку в зависимости от групповой принадлежности

Группа	β	F	p
Русские Москвы	.2379	1.5624	.2121
Буряты	-.0045	.0016	.9679
Русские Бурятии	-.2468	2.6013	.0506

Также значимой оказалась модель, в которой анализировалось влияние идентичности с местом на отношение к межрелигиозному браку (рис. 4, табл. 4).

Коэффициент регрессии для XWZ ($b = 0.18$, $SE = 0.08$, $t = 2.15$, $p = 0.03$, 95 % CI [0.0154, 0.3460]), из чего можно сделать вывод, что воспринимаемая безопасность модерирует это влияние.

Значимый эффект выявлен в группе русских из Москвы: при низком уровне воспринимаемой культурной безопасности высокий уровень идентификации с Московским регионом будет способствовать более позитивному отношению к браку с представителем другой религии, тогда как при высокой воспринимаемой безопасности влияние обратное: при низкой выраженности московской идентичности отношение к межрелигиозному браку будет положительным.

В группе бурят из Бурятии при низком и среднем уровне воспринимаемой культурной безопасности высокая степень идентификации с Бурятией будет оказывать положительное влияние на отношение к межрелигиозному браку, статистическая значимость этой связи находится на уровне тенденции.

У русских Бурятии воспринимаемая культурная безопасность не модерирует связь идентификации с Бурятией с отношением к межрелигиозному браку.

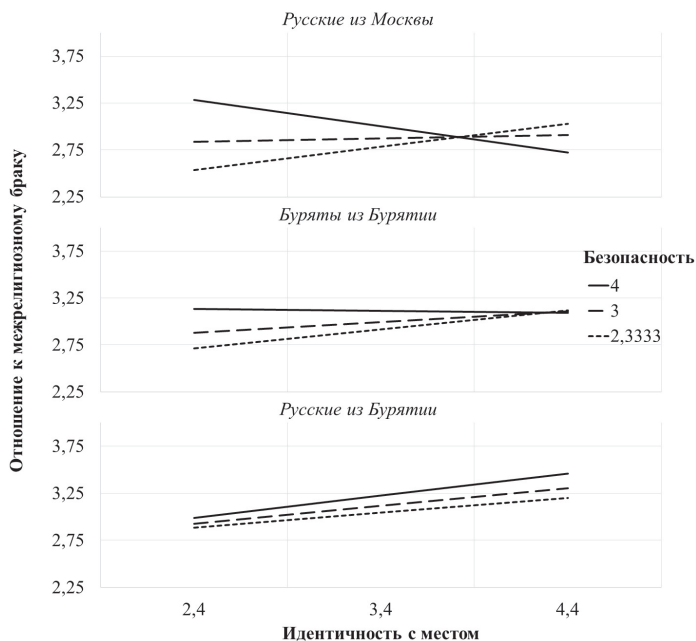

Рис. 4. Модель 3 модерируемой модерации воспринимаемой культурной безопасности во взаимосвязи идентичности с местом и отношения к межрелигиозному браку русских и бурят в Бурятии и русских в Московском регионе

Таблица 4
Параметры взаимодействия воспринимаемой культурной безопасности, идентичности с местом и отношения к межрелигиозному браку в зависимости от групповой принадлежности

Группа	β	F	p
Русские Москвы	-.3150	7.0922	.0081
Буряты	-.1343	3.3169	.0693
Русские Бурятии	.0464	.1947	.6593

Модели, где предиктором выступала религиозная идентичность, были статистически незначимыми.

Обсуждение результатов и выводы

Данное исследование было направлено на анализ модерационной роли воспринимаемой культурной угрозы/безопасности во взаимосвязи социальных идентичностей и отношения к межкультурным бракам у представителей этнического меньшинства и большинства в Бурятии и Московском регионе.

Полученные нами данные позволяют заключить, что в целом воспринимаемая культурная безопасность является модератором взаимосвязи этнической идентичности и идентичности с местом с установками на межкультурный брак. Однако ее роль зависит от социокультурного контекста и этнического статуса группы.

Русские в Бурятии при высоком уровне воспринимаемой культурной безопасности, имея выраженную этническую принадлежность, не готовы ни к межэтническому, ни к межрелигиозному браку. Однако если русские в Бурятии чувствуют угрозу своей культуре, то выраженная этническая идентичность способствует положительному отношению к вступлению в межкультурный брак.

Это может быть объяснимо этническим статусом: представители русского этноса ощущают себя меньшинством в национальной Республике Бурятия, поэтому в ситуации угрозы культуре и при высокой русской идентичности они, стремясь обезопасить себя, готовы вступать в брак с представителями этнического большинства — бурятами.

У представителей титульного этноса (русские в Московском регионе, буряты в Бурятии) данный эффект не был выявлен, то есть воспринимаемая культурная безопасность не является условием взаимосвязи этнической идентичности с отношением к межкультурному браку.

Наши результаты показали, что, если русские в Московском регионе чувствуют угрозу своей культуре, московская идентичность способствует более позитивному отношению к браку с представителем другой религии, тогда как при высокой воспринимаемой безопасности, напротив, препятствует. Возможно, если русские Московского региона ощущают себя москвичами и не чувствуют угро-

зы, то отношение к межрелигиозному браку негативное. Но при снижении чувства безопасности отношение к межрелигиозному браку становится более позитивным.

У бурят из Бурятии при низком и среднем уровне воспринимаемой культурной безопасности выраженная идентификация с Бурятией положительно влияет на отношение к межрелигиозному браку. То есть, как и у русских Москвы, при ощущении угрозы своей культуре буряты с выраженной идентичностью со своей республикой готовы вступать в межрелигиозный брак.

У русских Бурятии воспринимаемая культурная безопасность не является модератором взаимосвязи их идентификации с Бурятией и установками на межрелигиозный брак (при любом уровне безопасности взаимосвязь положительная).

Настоящее исследование позволило уточнить модерационную роль воспринимаемой угрозы/безопасности во взаимосвязи социальных идентичностей и отношения к межкультурному браку в группах, различающихся по этническому статусу и социокультурному контексту.

В изученных нами группах социальная идентичность оказывает влияние на установки на межкультурный брак при условии воспринимаемой культурной угрозы/безопасности. Полученные нами данные согласуются с предыдущими исследованиями, согласно которым воспринимаемая угроза/безопасность может влиять на отношение к межкультурному браку по-разному, в зависимости от условий [18]. В данном исследовании этими условиями является воспринимаемая культурная безопасность и этнический статус группы.

Результаты этого исследования нуждаются в подтверждении на других выборках в иных социокультурных регионах, например в других национальных республиках Российской Федерации, где русские не являются численным большинством (например, в Республике Северной Осетии — Алании, Дагестане и др.).

The analysis of the factors that determine attitudes towards intercultural marriage in the Moscow region and the Republic of Buryatia among representatives of the ethnic minority and the majority was presented in the article. Using a moderation analysis, the authors found, that among the Russians in Buryatia, in the case of perceived cultural security, ethnic identity did not contribute to attitudes towards intercultural marriage, in the case of the threat, on the contrary, it did. For Russians in the Moscow region and Buryats in Buryatia, in the case of the perceived threat to own culture, identification with their region contributed to the positive attitude towards interethnic marriage.

Keywords: intercultural marriage, attitudes, ethnic identity, place identity, perceived threat and security, Buryats, Russians.

Литература

1. *Галаяпина, В. Н.* Аккультурационные установки и психологическое благополучие русских в Кыргызстане и Таджикистане: модерационная роль воспринимаемой безопасности / В. Н. Галаяпина // *Культ.-ист. психология.* — 2021. — Т. 17, № 4. — С. 34–45. — <https://doi.org/10.17759/chp.2021170404>

Galyapina, V. N. Akkul'turacionny'e ustanovki i psixologicheskoe blagopoluchie russkix v Ky'rgy'zstane i Tadzhikestane: moderacionnaya rol' vosprinimaemoj bezopasnosti / V. N. Galyapina // Kul't.-ist. psixologiya. — 2021. — Т. 17, № 4. — С. 34–45. — <https://doi.org/10.17759/chp.2021170404>

2. *Дугарова, Т. Ц.* Реалии внешнего мира в контексте этнического самосознания (на материале изучения ментальных ориентаций бурят) / Т. Ц. Дугарова // Развитие личности. — 2017. — № 4. — С. 155–192.

Dugarova, T. Cz. Realii vneshnego mira v kontekste e`tnicheskogo samosoznaniya (na materiale izucheniya mental'ny'x orientacij buryat) / T. Cz. Dugarova // Razvitie lichnosti. — 2017. — № 4. — С. 155–192.

3. *Жигунова, М. А.* Национально-смешанные браки как вариация этнокультурной идентичности / М. А. Жигунова, Е. А. Коптяева // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. — 2016. — № 5. — С. 100–104. — doi: 10.17223/19988613/43/21

Zhigunova, M. A. Nacional'no-smeshanny'e braki kak variaciya e`tnokul'turnoj identichnosti / M. A. Zhigunova, E. A. Koptyaeva // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Istorija. — 2016. — № 5. — С. 100–104. — doi: 10.17223/19988613/43/21

4. *Лурье, С. В.* Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии / С. В. Лурье // Петерб. социология сегодня. — 2018. — № 10. — С. 122–148. — <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077>

Lur'e, S. V. Mezhe`tnicheskie braki v sovremennom rossijskom nacional'nom scenarii / S. V. Lur'e // Peterb. sociologiya segodnya. — 2018. — № 10. — С. 122–148. — <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077>

5. *Макарова, И. А.* Межэтнический брак: концептуализация понятия / И. А. Макарова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. — 2014. — № 164. — С. 150–154.

Makarova, I. A. Mezhe`tnicheskij brak: konceptualizaciya ponyatiya / I. A. Makarova // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gercena. — 2014. — № 164. — С. 150–154.

6. *Рябиченко, Т. А.* Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии / Т. А. Рябиченко, Н. М. Лебедева, И. Д. Плотка // Культ.-ист. психология. — 2019. — Т. 15, № 2. — С. 54–64. — <https://doi.org/10.17759/chp.2019150206>

Ryabichenko, T. A. Mnozhestvenny'e identichnosti, akkul'turaciya i adaptaciya russkix v Latvii i Gruzii / T. A. Ryabichenko, N. M. Lebedeva, I. D. Plotka // Kul't.-ist. psixologiya. — 2019. — Т. 15, № 2. — С. 54–64. — <https://doi.org/10.17759/chp.2019150206>

7. *Сикевич, З. В.* Структура и типология этнической идентичности членов межэтнических и моноэтнических семей (сравнительный анализ) / З. В. Сикевич, Ю. А. Поссель // Социол. журн. — 2019. — Т. 25, № 1. — С. 121–136. — <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6282>

Sikevich, Z. V. Struktura i tipologiya e`tnicheskoy identichnosti chlenov mezhe`tnicheskix i monoe`tnicheskix semej (sravnitel'ny'j analiz) / Z. V. Sikevich, Yu. A. Possel // Sociol. zhurn. — 2019. — Т. 25, № 1. — С. 121–136. — <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6282>

8. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России / под ред. Н. М. Лебедевой, А. Н. Татарко. — М. : Рос. ун-т дружбы народов (РУДН), 2009. — 420 с.

Strategii mezhkul'turnogo vzaimodejstviya migrantov i naseleniya Rossii / pod red. N. M. Lebedevoj, A. N. Tatarko. — М. : Ros. un-t družby narodov (RUDN), 2009. — 420 s.

9. Федеральная служба государственной статистики. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей [Электронный ресурс]. — 2010. — Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения: 20.03.2022).

Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Itogi Vserossiyskoj perepisi naseleniya 2010 goda v otnoshenii demograficheskix i social'no-e'konomicheskix xarakteristik ot del'ny'x nacional'nostej [Elektronny'j resurs]. — 2010. — Rezhim dostupa: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (data obrashheniya: 20.03.2022).

10. Федеральное агентство по делам национальностей. Религиозный состав населения России [Электронный ресурс]. — 2015. — Режим доступа: <https://fadn.gov.ru/otkritoje-agenstvo/opendata/7708257207-rsnr> (дата обращения: 20.03.2022).

Federal'noe agentstvo po delam nacional'nostej. Religiozny'j sostav naseleniya Rossii [Elektronny'j resurs]. — 2015. — Rezhim dostupa: <https://fadn.gov.ru/otkritoje-agenstvo/opendata/7708257207-rsnr> (data obrashheniya: 20.03.2022).

11. *Aberson, C. L.* Indirect Effects of Threat on the Contact-Prejudice Relationship / C. L. Aberson // *Social Psychology*. — 2019. — Vol. 50, № 2. — P. 105–126. — <https://doi.org/10.1027/1864-9335/a000364>

12. *Berry, J. W.* Acculturation. A Personal Journey across Cultures / J. W. Berry. — Cambridge University Press, 2019. — <https://doi.org/10.1017/9781108589666>

13. *Boronova, M. M.* The Buryats : Ethno-Social Development and Post-Soviet Transformations (Based on the 2017 Opinion Polls Among the Young People of Buryatia, the Irkutsk Region, and the Trans-Baikal Region) / M. M. Boronova // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. — 2019. — Vol. 47, № 3. — P. 127–135. — <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2019.47.3.127-135>

14. *Carol, S.* Intermarriage Attitudes Among Minority and Majority Groups in Western Europe : The Role of Attachment to the Religious In-Group / S. Carol // *International Migration*. — 2013. — Vol. 51, № 3. — P. 67–83. — <https://doi.org/10.1111/imig.12090>

15. *Chen, J.* Intermarriage, Ethnic Identity, and Perceived Social Standing Among Asian Women in the United States / J. Chen, D. T. Takeuchi // *J. of Marriage and Family*. — 2011. — Vol. 73, № 4. — P. 876–888. — <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2011.00853.x>

16. *Chen, S.* Influence of Place Identity on Residents' Attitudes to Dark Tourism / S. Chen, S. Wang, H. Xu // *J. of China Tourism Research*. — 2017. — Vol. 13, № 4. — P. 338–356. — <https://doi.org/10.1080/19388160.2017.1401023>

17. *Cohen, N.* Same or different? A problem of identity in cross-cultural marriages / N. Cohen // *J. of Family Therapy*. — 1982. — Vol. 4, № 2. — P. 177–199. — <https://doi.org/10.1046/j.1982.00585.x>

18. *Connolly, J.* Forbidden intimacies : Christian-Muslim intermarriage in East Kalimantan, Indonesia / J. Connolly // *American Ethnologist*. — 2009. — Vol. 36, № 3. — P. 492–506. — <https://doi.org/10.1111/j.1548-1425.2009.01175.x>

19. *Droseltis, O.* Towards an integrative model of place identification : Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences / O. Droseltis, V. L. Vignoles // *J. of Environmental Psychology*. — 2010. — Vol. 30, № 1. — P. 23–34. — <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.05.006>

20. *Frame, M. W.* The Challenges of Intercultural Marriage : Strategies for Pastoral Care / M. W. Frame // *Pastoral Psychology*. — 2003. — Vol. 52, № 3. — P. 219–232. — <https://doi.org/10.1023/b:paspp.0000010024.32499.32>

21. *Improving Intergroup Relations* / U. Wagner [et al.]. — Wiley, 2009.

22. *Kalmijn, M.* Intermarriage and Homogamy : Causes, Patterns, Trends / M. Kalmijn // *Annual Review of Sociology*. — 1998. — Vol. 24, № 1. — P. 395–421. — <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.395>

23. *McDoom, O. S.* Ethnic inequality, cultural distance, and social integration: evidence from a native-settler conflict in the Philippines / O. S. McDoom // *J. of Ethnic and Migration Studies*. — 2018. — Vol. 45, № 9. — P. 1532–1552. — <https://doi.org/10.1080/1369183x.2018.1427566>

24. *Mcfadden, J.* Intercultural marriage and intimacy : Beyond the continental divide / J. Mcfadden, J. L. Moore III // International J. for the Advancement of Counselling. — 2001. — Vol. 23, № 4. — P. 261–268. — <https://doi.org/10.1023/a:1014420107362>
25. *Osanami Törnngren, S.* Toward building a conceptual framework on intermarriage / S. Osanami Törnngren, N. Irastorza, M. Song // Ethnicities. — 2016. — Vol. 16, № 4. — P. 497–520. — <https://doi.org/10.1177/1468796816638402>
26. Reducing prejudice and discrimination / ed. by S. Oskamp. — Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2000.
27. *Riek, B. M.* Intergroup Threat and Outgroup Attitudes : A Meta-Analytic Review / B. M. Riek, E. W. Mania, S. L. Gaertner // Personality and Social Psychology Review. — 2006. — Vol. 10, № 4. — P. 336–353. — https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1004_4
28. *Stephan, W. G.* Intergroup threat theory / W. G. Stephan, O. Ybarra, K. M. Rios // Handbook of Prejudice, Stereotyping, and Discrimination : Second Edition / ed. by T. D. Nelson. — 2nd ed. — N. Y., 2015. — P. 255–278. — <https://doi.org/10.4324/9780203361993>
29. *Tajfel, H.* The social identity theory of intergroup behavior / H. Tajfel, J. C. Turner // Psychology of intergroup relations / ed. by S. Worchel, W. G. Austin. — 2nd ed. — Chicago, 1986. — P. 7–24.
30. *Verkuyten, M.* National (Dis)identification and Ethnic and Religious Identity : A Study Among Turkish-Dutch Muslims / M. Verkuyten, A. A. Yildiz // Personality and Social Psychology Bulletin. — 2007. — Vol. 33, № 10. — P. 1448–1462. — <https://doi.org/10.1177/0146167207304276>
31. *Yodanis, C.* Interethnic Romantic Relationships : Enacting Affiliative Ethnic Identities / C. Yodanis, S. Lauer, R. Ota // J. of Marriage and Family. — 2012. — Vol. 74, № 5. — P. 1021–1037. — <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2012.01005.x>